
КУЛЬТУРА ШЕКСПИРОВСКОЙ ЭПОХИDOI: [10.17805/ggz.2019.6.5](https://doi.org/10.17805/ggz.2019.6.5)**Черная магия колониализма: колониальный дискурс и образ «другого» в творчестве У. Шекспира в контексте историографии «нового историзма»***В. А. Ковалев**Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов*

Одним из самых влиятельных направлений в современной историографии остается «новый историзм». Стремление к изучению проявлений политического в культурных феноменах объединило исследователей нематериальных форм власти, культуры и искусства, литературы и лингвистики. При этом, как справедливо отмечали критики, зачастую работы этих историков не столько раскрывают властную и политическую составляющую культурных феноменов прошлого, сколько свидетельствуют о политических взглядах, своеобразном «символе веры» современного западного левого интеллектуала. Одной из весьма популярных тем антиколониального вектора неоисторического дискурса стал колониализм в раннестюартовской литературе, прежде всего — в шекспировской драме.

Особым вниманием в этом отношении пользовалось последнее законченное произведение Шекспира — «Буря», превратившаяся по воле авторов неоисторического направления в «манифест колониализма». Подобный подход к проблеме образа «другого» выглядит излишне политизированным и не позволяет поместить его в контекст других «других» в драматургии Велико-го Барда и его современников. Сопоставлению дискурсов «другого» в «Буре» и иных произведениях Шекспира, а также изучению этих образов в рамках неоплатонических ренессансных представлений о Вселенной и посвящен представленный текст.

Ключевые слова: шекспировские исследования; «Буря»; раннестюартовский театр; неоисторизм; образ «другого»; ренессансная английская литература; неомарксизм; неоплатонизм в литературе; колониальный дискурс

**Black Magic of Colonialism: Colonialist Discourse and the
Image of the “Other” in Shakespeare’s Dramas
in the Context of Historiography of New Historicism**

V. A. Kovalev

Saint-Petersburg University of the Humanities and Social Sciences

New historicism is still one of the most influential forms of contemporary historiography. A commitment to studying the manifestation of the political in cultural phenomena has united researchers of the non-material forms of power, culture and art, literature and linguistics. Therewith, as opponents of new historicism have correctly argued, its followers’ works show the political views of the authors, a particular “confession of faith” of contemporary Western left-wing intellectuals, rather than discover the political and power elements of cultural phenomena of the past. Colonialism in early Stuart literature, and especially in Shakespeare’s drama, has become one of the most popular subjects of the anticolonial vector of the new historical discourse.

Shakespeare’s last completed play, “The Tempest”, has been the focus of special attention and become a “manifest of colonialism” at the discretion of the authors of the new historical school. Such an approach to the issue of the image of the “other” seems to be too politicized and does not allow to put it in the context of other “others” in the drama of the great Bard and his contemporaries. The article deals with comparison of the discourses of the “other” in “The Tempest” and other writings of Shakespeare as well as with studying these images as part of the Neo-Platonic Renaissance concepts of the Universe.

Keywords: Shakespeare studies; “The Tempest”; early Stuart theatre; new historicism; the image of the “other”; Renaissance English literature; Neo-Marxism; Neo-Platonism in literature; colonial discourse

ВВЕДЕНИЕ.

РОЖДЕНИЕ КОЛОНИАЛИСТСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Историческое прочтение шекспировской драмы «Буря» как текста, связанного с рождением английского колониализма и началом экспансии в Новый Свет, практиковалось еще в XIX в. Конкретным историческим событием, на основании которого конструировалось подобное прочтение, была судьба корабля “Sea Venture”, пропавшего на пути в Джеймстаун, экипаж которого спасся на Бермудских островах. Показательно, что Бермуды упоминаются в тексте «Бури»:

Корабль стоит на якорю в той бухте,
Куда меня призвал ты как-то в полночь
Сбирать росу Бермудских островов.

(I, 2; Шекспир, 1960: 133)

С 1950-х гг. события пьесы ставились в контекст мифологии «другого» в работах Ф. Кермода (Kermode, 1954), Л. Маркса (Marx, 1964), Г. Левина (Levin, 1969), Л. Фидлера (Fiedler, 1972). Психологические исследования персонажей «Бури» предпринимались с 1980-х гг., хотя первые опыты имели место на четверть века раньше — в частности, итальянский исследователь О. Маннони увидел в отношениях Просперо и Калибана «психологию колонизации» (Mannoni, 1956).

НЕОИСТОРИЗМ И НЕОКОЛОНИАЛИЗМ В КОНТЕКСТЕ ШЕКСПИРОВСКОЙ ПЬЕСЫ

Именно колониальная тема стала руководящей для восприятия «Бури» в традиции нового историзма. Следует отметить, что методология неоисторизма вводила в интерпретацию шекспировской пьесы важные новшества. Из всех аспектов истории общества этот подход выделяет один — властные отношения и идеологию как код власти. Соответственно, в данном конкретном случае в фокусе внимания исследователей оказывается не просто связь сюжета «Бури» с событиями в Новом Свете, а ее значение с точки зрения властных отношений, связанных с открытием Америки. Интерес неоистористов был обращен не к бермудским памфлетам, а к «ансамблю придуманных и реальных [властных] практик», известному как «английский колониализм» и формирующему исторический контекст пьесы (“The ensemble of fictional and lived practices, which for convenience we will simply refer to here as ‘English colonialism’, provides *The Tempest’s* dominant discursive contexts”; Barker, Hulme, 2002: 201; здесь и далее пер. наш. — В. К.).

«Буря» не демонстрировала, а насаждала предрассудки, позволявшие утвердить власть. Если в 1980 г. психологический подход, по словам Л. Дж. Лейнингер, утверждал, что «аллегорическая и неоплатоническая обертка маскирует наиболее травмирующие предрассудки западной цивилизации» (“...allegorical and Neoplatonic overlay masks some of the most damaging prejudices of Western civilization...”; Leininger, 1980: 122), то уже в конце 1980-х гг. расстановка акцентов меняется: «Буря» вовлечена в «процесс эвфемизации» (“the processes of euphemisation”), в операции, формирующие «легитимность колониального нарратива» (“the legitimacy of colonialist narrative”; Brown, 1994: 66), в «борьбу за создание когерентного дискурса,

адекватного комплексным требованиям британского колониализма на стадии его зарождения» (“the struggle to produce a coherent discourse adequate to the complex requirements of British colonialism in its initial phase”; *ibid.*: 48).

Собственно, подобный подход был во многом ответом на психологические спекуляции сторонников фрейдистских интерпретаций. Ф. Джеймисон предложил концепцию переноса индивидуальных категорий на социальные процессы, сформировав этим ключевое понятие нового историзма — политическое бессознательное (Jameson, 2002).

В рамках неоиоризма психологические процессы интерпретируются как продукт культуры, даже понятие “psyche” рассматривается как продукт культурного ядра, развившегося в ходе становления Возрождения. И сам по себе психоанализ скорее является не способом познания ренессансной psyche, а предельным и запоздалым продуктом социокультурных процессов эпохи (Greenblatt, 1986).

Таким образом, в методологическом смысле неоиоризм использовал фрейдистский взгляд на «логику сновидений» — замещение, конденсация, управление желанием и т. д., но отвергал фрейдистскую концепцию сознания. В работах С. Гринблатта субъектом, формирующим логику «коллективного сна», становится сам текст как *libidinal apparatus* — «желающая машина», которая не зависит от воли создателя.

На основании такого подхода исповедующие новый историзм авторы критикуют «антиисторическое прочтение», как они его определяют, и видят источники произведений искусства вообще, и «Бури» в частности в «бессознательном политическом» — событиях политической истории, одним из которых является европейский колониализм.

Здесь проявляется одна из особенностей неоиоризма. Удаляя авторские, «шекспировские» элементы пьесы, расчищая место для колониализма, исследователи этого направления парадоксальным образом удаляют пьесу от политических событий 1611 г., сближая ее с современным колониализмом (Skura, 1989: 47).

КАЛИБАН — УГНЕТЕННЫЙ ИНДЕЕЦ?

Если обратиться к конкретным образам, конструировавшим, по мнению представителей нового историзма, колониальный дискурс, то легко увидеть, что образ Калибана интерпретировался как центральный в пьесе не по причине его роли в структуре произведения, и не как образ демонизированного «другого», а поскольку европейцы реально эксплуатировали «калибанов» по всему миру и пьеса становилась частью этого процесса (Black male fiction ... , 2001). Он был не попыткой дать определение индейцам, воплощением евро-

пейских стереотипов о них или проекцией страхов (кстати, реально испытываемых пассажирами в описании Уильяма Стрэчи). Теперь он интерпретировался как инструмент подчинения и угнетения, получения дохода, власти и т. д. (Voigts, 2014).

Этот образ считается ключевым для всего не только раннего, но и классического колониального дискурса. О сходных чертах Калибана и индейцев писали С. Ли (Lee, 1929), Дж. Уилсон Найт (Wilson Knight, 1980), П. Хьюм (Hulme, 1981: 71). Из признаков выделяют наивность, поклонение дьяволу, склонность к спиртным напиткам, предательству и вероломству. С другой стороны, не хватает ряда важных признаков, ввести которые было несложно — невероятная физическая сила, обнаженность или одежда из кожи — Калибан носит габердин, английскую ткань (в русском переводе — «лохмотья»):

Alas, the storm is come again. My best way is to creep under his gaberdine; there is no other shelter hereabout (II, 2; Shakespeare, 2001: 209).

Ай-ай-ай! Опять начинается гроза. Ничего не поделаешь — придется залезть под его лохмотья: больше деваться некуда (II, 2; Шекспир, 1960: 164).

Нет украшений из перьев, которые появятся 13 лет спустя в «Вирджинских масках» капитана Джона Смита (Murphy, 2010: 27–28); нет трубки и табака, которые так раздражали Иакова I и были давно известны англичанам (достаточно вспомнить сатиру «О суете придворной» Джона Донна), нет раскрашенного тела и т. д.

В целом Калибан скорее похож на дьяволов, которых, как пишет Стрэчи, моряки ожидали увидеть на Бермудах, чем на индейцев (Strachey, 1625: 1734–1735).

Постколониальный подход превращает его в вирджинского индейца, однако возможны и другие его интерпретации («наполовину обезьяна, наполовину кокосовый орех»). Определение, которое Бен Джонсон дает Калибану («слуга-чудовище» / “a servant-monster”; Johnson, 1756: 282), — термин вполне Старого Света, применявшийся к социально Другому.

Напомню, что по ходу пьесы Тринкуло не узнает Калибана, хотя знает индейцев. Более того, он вообще сомневается, что Калибан — человек:

Это еще что? Человек или рыба? <...> Диковинная рыба! Будь я сейчас в Англии — а я там был однажды — да показывай я эту рыбу, пусть даже на картинке, любой зевака отвалил бы мне серебряную монету за просмотр. <...> Те, кому жалко подать грош безногому калеке, охотно выложат в десять

раз больше, чтобы поглазеть на мертвого индейца... Да у нее человечьи ноги!
А плавники точь-в-точь как руки! (II, 2; Шекспир, 1960: 164)

В целом даже этих слов Тринкуло самих по себе достаточно для того, чтобы отбросить интерпретацию образа Калибана как вирджинского индейца.

Даже само имя Калибан традиционно трактуется как анаграмма «каннибал», что воспринимается нами как негативное определение, связанное с людоедством. Один из неисторических текстов, работа С. Оргела, так и называется «Шекспир и каннибалы» (Orgel, 1987). Таким образом, ассоциация с людоедством становится еще одной рационализацией, призванной оправдать колониальное господство Просперо.

Однако Калибан — не людоед. Он даже мяса не ест, предпочитая корешки, ягоды и иногда рыбу. Одна из положительных черт Калибана — его гармония с природой.

Безусловно, англичане были знакомы с термином «каннибал», восходящим к ошибочно записанному Колумбом термину «карибан». Уолтер Рэли в своей книге «Открытие Гвианской империи» упоминает этот термин 8 раз. Однако как связанный с людоедством он упоминается только однажды, да и то в связи с обманом, который совершали испанцы в отношении индейцев, убеждая их в людоедстве англичан (Рэли, 1963). Испанская традиция, согласно которой индейцы были людоедами, созданная в текстах Берналя Диаса дель Кастильо (Диас дель Кастильо, 2000), Торбио де Бенаvente (Бенаvente (Мотолиния), 2000) и даже сочувственно относившегося к индейцам Бартоломе де Лас Касас (см.: кн. II, гл. 19; Лас Касас, 1968: 101–102), не была воспринята в Англии. Более логичным представляется этимология имени Калибан непосредственно от слова “Caribbean” или даже от библейского имени Халев (в английском написании Caleb), означавшего «собака» или «слуга господина» и весьма популярному среди радикальных протестантов, т. е. первых колонистов. В любом случае на восемь упоминаний каннибалов у Рэли — более 130 упоминаний испанцев, почти всегда в крайне негативном контексте.

Широко известно, что основным источником сведений о каннибалах-людоедах для Шекспира было эссе М. Монтеня «О каннибалах». В нем описано людоедство индейцев, правда, носящее характер, согласно Монтеню, судебного ритуала (Монтень, 1954). Однако следует помнить, что эссе Монтеня в значительной степени было продиктовано его неприязнью к католической церкви, к тому же значительно усиленной переводом Джона Флорио, крайне негативно относящегося к «папистам» (Hendrick, 2004). В этом смысле Калибан скорее становится отражением религиозных противоречий и элементом

антикатолической пропаганды (вполне уместной в контексте заключения брачного союза с лидером Евангелической унии в Германии), чем попыткой рационализировать колониальное господство.

Отношения Просперо и Калибана также традиционно и в неисторическом, и в психологическом ключе интерпретируются как отношения колониста и колонизированного аборигена. Как утверждал один из основателей постколониалистского дискурса, магия Просперо занимает в пьесе то же место, которое «в колониальной истории на самом деле занял порох» (“...the cost of Prospero’s magic — itself a Mediterranean term occupying the space really inhabited in colonial history by gunpowder — is the excess of his anger...”; Hulme, 1981: 74). Сторонники неисторической интерпретации приводят примеры, когда духи по приказу Просперо терзают Калибана, сравнивая это с практикой, когда гайанские господа жгли своих рабов и закапывали их в землю заживо. Эпизод, когда Ариэль по приказу Просперо травит Калибана собаками, постоянно сравнивается с травлей собаками индейцев в испанских колониях (Greene, 1589; Wilkes, 1995; Carey-Webb, 1998: 30; Gurr, 2014: 108). При этом из поля зрения исследователей как-то выпадает тот факт, что одновременно с Калибаном Ариэль травит и вполне европейских Стефано и Тринкуло.

Кроме того, помещение «Бури» в контекст аналогичных брачных пьес Шекспира дает нам интересную параллель. Аналогичным образом фантастическими зверьми травит Пак по приказу Оберона в комедии «Сон в летнюю ночь» греческих купцов. Особую пикантность этому эпизоду с точки зрения колониалистского дискурса придает то, что Пак, согласно тексту, прибыл из Индии.

Наконец, еще одно произведение, которое, согласно утвердившемуся среди историков литературы мнению, оказало сильное влияние на творчество Шекспира, также дает пример травли собаками оппонентов главного героя. Это в версии «Трагической истории доктора Фауста» 1616 г. (текст Б) Кристофера Марло делает (точнее, угрожает сделать) Фауст с оскорбившим его Бенволио в сцене 12:

Прошу, о государь, соизвольеня
Спустить свору собак на наглеца,
Пускай от них бежит он так, чтоб тела
Кровавые клыки чуть не касались.

(Марло, 2019: 127)

Скорее мы имеем дело со схемой, когда магической, т. е. высшей травле подвергается объект, зарекомендовавший себя по ходу представления в глазах аристократической аудитории придворного брачного представления недостойным образом.

Чрезвычайно важным представляется следующее наблюдение. Хотя существует весьма устойчивый взгляд, что Ариэль и Калибан составляют пару колонизированных аборигенов, в которой Ариэль изображен как покорный абориген, приближенный к колониальной власти Просперо, а Калибан как непокорный, подлежащий порабощению (Erllich, 1977; Leininger, 1980; Griffiths, 1983; Hulme, 1986), это не следует из шекспировского текста. Калибан — потомок Сикораксы, также прибывшей на остров. Т. е. он сам колонизатор во втором поколении. Законным властителем острова является, скорее, Ариэль, порабощенный Сикораксой и освобожденный Просперо (Skura, 1989: 50). Нельзя сказать, что сторонники постколониального дискурса не замечали этого противоречия, но их попытки разрешить его — такие как тезис П. Хьюма, согласно которому Сикораксы, являющейся воплощением рационализации колониализма Просперо, вообще не существует, выглядели малоубедительно (Hulme, 1986: 113–115). Все же такое обращение с текстом представляется недопустимым, так как, по сути, шекспировский текст переписывается в угоду политическим установкам исследователя.

Здесь вполне возникают параллели с отношением между испанцами и англичанами в Новом Свете. У. Рэли так описывал жестокость испанцев по отношению к индейцам и добродушие по отношению к ним англичан:

Когда же эти несчастные мужчины и женщины увидели нас и когда мы дали им мяса и каждому еще что-либо, редкое и незнакомое для них, они стали понимать обман и намерения испанцев. Последние действительно (как признались индейцы) отнимали у них всякий день и жен и дочерей и пользовались ими для удовлетворения своей похоти, совершая над ними насилие. <...> Ничто не завоевало нам среди них большей любви, чем наше поведение, ибо я не допускал, чтобы кто-нибудь брал у них даже ананас или картофельный корень без возмещения, либо покушался коснуться какой-нибудь из их жен или дочерей. Такой порядок, столь отличный от устроенного испанцами (которые тиранствовали над ними во всем), заставил их преклоняться перед ее величеством... (Рэли, 1963: 78–79).

В ранних описаниях Нового Света тема жестокости испанцев по отношению к индейцам была достаточно популярна. Роберт Грин в «Испанском маскараде» (1589) пишет, что испанцы «травят индейцев собаками» и обра-

щаются с ними с такой жестокостью, что те, когда познакомились с «любезностью» и добрым отношением англичан, решили, что те — «боги, а испанцы как по уставу, так и по совести — полудьяволы» (“...caused the Indians to be hunted with dogs, some to be torne with horses, some to haue their hands cut off... <...> ...vsing the Moores, conquered with such courtesie, as they thought the English Gods, and the Spaniardes both by rule and conscience halfe Deuils”; Greene, 1589: unnumbered page).

Демонизация образа испанцев была общим местом в английской культуре второй половины XVI — начала XVII в. (о чем была статья и у автора этого текста (Ковалев, 2012)), включая демонические образы, крайнюю жестокость, необузданную похоть и жажду власти над миром. Вне всяких сомнений, на подобном фоне индейцы воспринимались в значительно большей степени как «свои».

С этой точки зрения отношения Просперо и Сикораксы становятся скорее воплощением отношения англичан и испанцев к аборигенам-индейцам (Ариэлю), отношением, в котором Просперо играет явно положительную роль, а в итоге возвращает Ариэлю свободу.

*«БУРЯ» И КОЛОНИЗАЦИЯ АМЕРИКИ:
ОБРАЗЫ НОВОГО СВЕТА В АНГЛИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ*

В некоторых эпизодах пьеса выглядит как антиколониалистская. Например, когда Просперо перечисляет достоинства Калибана или преодолевает раскол, заявив:

Two of these fellows you
Must know and own; this thing of darkness I
Acknowledge mine.

(V, 1; Shakespeare, 2001: 281)

Показательно, что русский перевод М. А. Донского выдержан полностью в рамках колониалистского дискурса:

Те двое вам достаточно известны,
А это порожденье тьмы — мой раб.

(V, 1; Шекспир, 1960: 209)

Конечно, перевод куда более двусмысленной фразы однозначным «мой раб» подразумевает только одну из возможных интерпретаций. Вполне можно предположить, что Просперо признает Калибана не рабом, а одним из тех,

кто находится под его защитой и составляет, наряду с Мирандой и Ариэлем, его окружение. В конце концов, речь идет о наказании слуг (Калибана, Стефано и Тринкуло) за их провинности, и выбрать наказание должен был господин. В этой ситуации Просперо просто разграничивает юрисдикцию, предложив королю наказать Стефано и Тринкуло, в то время как Калибан находится во власти Просперо (как, впрочем, Миранда и Ариэль).

Антиколониалистский оттенок есть и в сценах со Стефано и Тринкуло, в которых показана жадность и глупость европейцев. Показательно, что Калибан, в отличие от этих двоих, говорит стихами, что в рамках драматургии шекспировской эпохи было признаком «благородного» персонажа. Впрочем, согласно П. Брауну, это тоже может быть рационализацией — демонстрацией необходимости установления власти над «первопроходческим сбродом» в терминах, ставших привычными в первой половине XVII в. в отношении первой волны английских и шотландских колонистов в Вирджинии и Ирландии в официальном английском дискурсе (Brown, 1994: 65). Так, например, Джон Смит использовал выражение «отбросы мира» (“scum of the World”; Smith, 1704: 412).

В целом, складывается впечатление, согласно которому образ Калибана — скорее не образ колонизированного аборигена, а зеркало, в котором отражаются сложные отношения между европейцами, разделенными неприязнью друг к другу по национальному, религиозному и социальному признакам.

Интересно, что к антиколониалистскому пониманию «Бури» обращаются представители неевропейского шекспироведения — Ш. Ройаниан и З. Садегхи из Семнанского университета (Иран) (Royanian, Sadeghi, 2014).

Проблема в том, что у нас нет никаких свидетельств, что аудитория воспринимала «Бурю» как текст, связанный с Новым Светом. Безусловно, дискурс Нового Света существовал, сформированный бермудскими памфлетами и литературной продукцией Вирджинской компании, наподобие «Правдивой декларации...». Впрочем, и в этой продукции в центре внимания оказываются не индейцы, а доход от новых земель, проблемы управления ими, а критические стрелы намного чаще направлены на лентяев, пьяниц, мятежников и иных представителей «отбросов» колониального общества. Так, в «Правдивой декларации» индейцам посвящен один параграф из 24 страниц текста (A true declaration ... , 1844: 16–17), а памфлет У. Стрэчи их вовсе не упоминает. Многочисленные тексты, посвященные индейцам и Новому Свету, включая и в значительной степени расистские, наводнили Англию уже в середине 20-х гг. XVII в., а не в 1611 г. (Skura, 1989: 50).

Если Шекспир и обращается к аудитории, то он пишет, скорее, о куда более близких и понятных вещах. Экзотика Нового Света, вне всяких сомне-

ний присутствующая в «Буре», была скорее привлекательной оберткой, модной темой куда более привычных дискурсов.

Б. Джонсон называл Бермудскими островами лондонский квартал красных фонарей. Дж. Донн находил Америку в руках своей возлюбленной, а его знаменитая проповедь придает теме Нового Света религиозную окраску:

Если вы посмотрите на карту мира, то увидите две его половины, два полушария. Если вы развернете на карте небесную сферу, вы тоже увидите два полушария, две половины неба, первая — радость, вторая — слава, и обе они — радость небесная и слава небесная составляют целокупный небесный мир. Подобно тому, как восточное полушарие было известно давным-давно, а открытие западного (богатой сокровищами Америку) Бог приберег для позднейших времен, так и небесное полушарие славы будет открыто лишь после воскресения мертвых (Донн, 2003: Электронный ресурс).

Шекспир тоже рисует что-то более близкое и знакомое англичанам. Выше было уже сказано о международной политике, «испанском следе» в пьесе, а также о брачном контексте. Безусловно, есть и другие дискурсы.

ПЕДАГОГИКА ПРОСПЕРО: КАЛИБАН И ФЕРНАНДО

Помещение пьесы в контекст других подобных шекспировских текстов («Бесплодные усилия любви», «Как вам это понравится», «Мера за меру») дает целый ряд интересных пересечений. Во всех произведениях мы видим герцога-изгнанника (добровольного или нет) — владетель Наварры, Старый герцог, Винченцио, отвергшего власть, окруженного верным и мятежным слугой. Последний является почти воплощением безудержной похоти — Костард, Жак, Лючио. Во всех случаях поведение «калибаноподобных» персонажей, когда они ставят под сомнение иерархию и порядок вещей, вызывает крайний гнев главного героя. Во всех случаях он грозит жестокими наказаниями и, в итоге, его усилия приводят к пересозданию, реформированию и восстановлению иерархии (Skura, 1989: 60).

Просперо интерпретировался как педагог и врач. Его магические силы позволили переучить потерпевших кораблекрушение, исцелить раны государства, преодолеть свою мстительность, простив врагов. Он достигает если не Дивного, то Нового мира.

Педагогический дискурс в «Буре» очень силен. Главное, что он был знаком практически каждому присутствующему. Большинство англичан испытало на себе особенности педагогического метода того времени, и телес-

ные наказания, которыми Просперо угрожает Калибану, были частью их нормального опыта как учеников (Zolfagharkhani, Heshmatifar, 2012: 10).

Педагогический дискурс легко увязывался с темой Нового Света, а идея обучения новых народов — с колониализмом. В 1609 г. преподобный Уильям Крэшоу, своеобразный директор Вирджинской компании, изображал в проповеди Вирджинию как юную деву, которую наставляет учитель-мужчина — Англия (ibid.: 9).

Тем не менее, по мнению А. Кэри-Уэбба, отношения Просперо и остальных персонажей пьесы не были отношениями колонизатора и объектов колонизации. Просперо напоминает «английского суверена, формирующего знание и укрепляющего покорность своих подданных через педагогические процессы. <...> ...в своих исторических пьесах Шекспир пытается рассказать об обычном английском прошлом через магически-утопическую проекцию романтики Нового Света...» (“...English sovereignty who shapes the knowledge and develops the obedience of his subjects through a pedagogical process. <...> ...in his history plays Shakespeare attempts to narrate a common English national past... that it is in the magical, utopian projection of his New World romance...”; Carey-Webb, 1999: Электронный ресурс).

Столь же легко педагогический дискурс увязывается с религиозным и национальным. Протестантское понимание христианизации аборигенов как научения христианству противостояло обрядовому пониманию испанцев христианизации как ритуального обращения.

При этом яковитскому дискурсу божественной мудрости короля противопоставлялась протестантская идея книжной мудрости. Весьма значительное место в тексте «Бури» занимают магические книги Просперо. Столь пристальное внимание к книге и ее большое значение как источника особой силы характерны для радикальных протестантов, воспринимавших Библию как Слово Божье в буквальном смысле. В этом смысле наивная вера Калибана превращала его в объект осмеяния, а вместе с ним осмеивали и религиозных противников двора.

Суровая педагогика Просперо в отношении Фернандо и Миранды и покорность Фернандо превращают именно последнего, а не Ариэля в «правильного» ученика, противостоящего образу непокорного ученика — Калибана. Таким образом, колониальная оппозиция «Ариэль — Калибан» уступает место педагогической оппозиции «Фернандо — Калибан», тем более что Фернандо в итоге своим послушанием завоевывает тот приз, который Калибан пытался заполучить силой — руку Миранды (Zolfagharkhani, Heshmatifar, 2012: 10).

Впрочем, Просперо понимает обучение как наставление в части моральных заповедей, оставляя герметическое знание магии себе. Он сохраняет социальную дистанцию и свое правящее положение, даже выбросив магические книги и сломав посох. В этом смысле он, в духе М. Фуко, остается королем-педагогом Нового времени, контролирующим и знание, и тела своих учеников.

В целом мы видим, что в приближении неисторическая интерпретация «Бури» как произведения колониального дискурса перестает выглядеть столь уж убедительно. Есть очень серьезные основания усомниться в интерпретации образа Калибана как вирджинского индейца. Просперо если и содержит в себе черты колониста, то не больше, чем любой носитель власти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вместо линейного дискурса колониального господства со всеми его рационализациями, замещениями и вытеснениями, мы скорее видим сплетение дискурсов и сюжетов, образующих сетку взаимопересечений, взаимодействий, напряжений как между персонажами произведения, так и между ними и событиями конкретного исторического контекста. В них отражается вся сложность событий начала XVII в. — периода, когда колониализм еще только начинал свое формирование. Колониальная тема здесь пока еще только фон, экзотическая обертка дискурсов Старого Света — религиозных, национальных, властных, педагогических и др. Вне всяких сомнений, развиваясь в дальнейшем, колониалистский дискурс будет вбирать в себя шекспировские образы и тексты, перерабатывая их и придавая им новые, соответствующие эпохе смыслы. Но колониальный дискурс в «Буре» становится плодом деятельности не столько Шекспира, сколько современных историков.

Э. М. Скура утверждает, что эти многообразные дискурсы могут быть названы ««колониалистскими»» только в самом общем смысле, в котором все этноцентричные культуры всегда являются «колониалистскими» — с их нарциссическим преследованием своих интересов, игнорированием желаний, потребностей и даже самого факта существования Другого» (“These are ‘colonialist’ only in the most general sense in which all ethnocentric cultures are always ‘colonialist’: narcissistically pursuing their own ends, oblivious to the desires, needs, and even the existence of the Other ”; Skura, 1989: 53). Однако упоминание нарциссизма заставляет нас вспомнить, что, согласно З. Фрейду, нарциссизм не столько синоним эгоизма, сколько его противоположность: «Было бы бесполезно с позиций науки, да и терапии противоречить больному, выдвигающему такие обвинения в адрес собственного “Я”. Должно быть, по-своему он все же прав и выражает что-то сложившееся, что обстоит так,

как ему кажется. С некоторыми из его наговоров мы должны без оговорок сразу же согласиться. <...> В конце концов, нам должно бросаться в глаза, что меланхолик ведет себя не совсем так, как обычный, терзаемый раскаянием и самоупреками человек. <...> У меланхолика можно было бы выделить почти противоположную черту — навязчивую общительность, которая находит удовлетворение в самокомпрометации» (Фрейд, 1995: 253–254).

В свете этой мысли можно предположить, что колониализм из основной темы (топики) колониального дискурса превратился в среде современных западных интеллектуалов в повод к нагромождению бесконечных самообвинений, демонстративного покаяния, конструированию и переформатированию особой реальности, наполненной современными смыслами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бенавенте (Мотолония), Т. де (2000) История индейцев Новой Испании (фрагмент) / пер. Е. М. Лысенко // Хроники открытия Америки. Новая Испания. Кн. I / [Ред. совет: С. А. Шмидт (гл. ред.) и др.]. М. : Академический проект. 493 с. С. 371–410. (Библиотека Латинской Америки). URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus8/Motolinia/frametext.htm> [архивировано в [Wayback Machine](#)] (дата обращения: 11.04.2019).

Диас дель Кастильо, Б. (2000) Правдивая история завоевания Новой Испании = Historia verdadera de la conquista de la Nueva España / [Сост., новый пер. с исп., коммент., оформление А. Захарьян]. М. : Форум. 399 с.

Донн, Дж. (2003) Проповедь 4 / пер. А. В. Курт [Электронный ресурс] // Lib.Ru: Библиотека Максима Мошкова. 15 августа. URL: http://lib.ru/INOOL/D/DONN/donn_prop.txt [архивировано в [WaybackMachine](#)] (дата обращения: 20.04.2018).

Ковалев, В. А. (2012) Зло из-за моря: образы испанцев в памфлетной войне 1623–1624 гг. // Стратегии визуализации и вербализации социокультурных практик : сб. науч. трудов / под ред. И. И. Лисович, В. С. Макарова. Казань : Информационно-издательский центр «Культура». 235 с. С. 85–110.

Лас Касас, Б. де (1968) История Индий / пер. с исп. Изд. подготовили В. Л. Афанасьев, З. И. Плавский, Д. П. Прицкер, Г. В. Степанов. Л. : Наука. 471 с. (Литературные памятники / АН СССР). URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus13/Las_Kasas/text22.phtml?id=800 [архивировано в [WaybackMachine](#)] (дата обращения: 11.04.2019).

Марло, К. (2019) Трагическая история доктора Фауста (Текст Б) / пер. Н. Н. Амосовой, В. С. Сергеевой, В. С. Макарова // Марло К. Трагическая история доктора Фауста / изд. подгот. А. Н. Горбунов, В. С. Макаров, Д. Н. Жат-

кин, А. А. Рябова ; отв. ред. Н. Э. Микеладзе ; ред. изд-ва Т. Л. Ломакина. СПб. : Наука. 321, [1] с., [13] л. ил. С. 71–160. (Литературные памятники).

Монтень, М. (1954) О каннибалах / пер. А. С. Бобовича // Монтень М. Опыты. Книга первая / вступ. статьи Ф. А. Коган-Бернштейн, М. П. Баскина ; коммент. А. С. Бобовича, Ф. А. Коган-Бернштейн. М. ; Л. : Изд-во АН СССР. 558 с. С. 261–277. (Литературные памятники / Акад. наук СССР).

Рэли, У. (1963) Открытие обширной, богатой и прекрасной Гвианской империи с прибавлением рассказа о великом и золотом городе Маноа (который испанцы называют Эль Дорадо) и о провинциях Эмерия, Арромая, Амапая и других стран с их реками, совершенное в году 1595 сэром У. Рэли, капитаном стражи ее величества, лордом-управителем оловянных рудников и ее величества наместником графства Корнуэлл / [пер. с англ., вступ. ст., с. 5–29 и коммент. А. Д. Дридзе] ; отв. ред. Е. Е. Шведе. М. : Географгиз. 175 с.

Фрейд, З. (1995) Скорбь и меланхолия / пер. Р. Ф. Додельцева, А. М. Кесселя // Фрейд З. Художники и фантазирование : пер. с нем. [Общ. ред., сост., вступ. ст. Р. Ф. Додельцева, К. М. Долгова]. М. : Республика. 400 с. С. 252–259. (Прошлое и настоящее). URL: <http://freudproject.ru/?p=796> [архивировано в [WaybackMachine](#)] (дата обращения: 20.04.2019).

Шекспир, В. (1960) Буря / пер. М. А. Донского // Шекспир В. Полн. собр. соч. : в 8 т. / под общ. ред. А. А. Смирнова, А. А. Аникста. М. : Искусство. Т. 8: Зимняя сказка ; Буря ; Генрих VIII ; Венера и Адонис ; Лукреция ; Сонеты ; Жалобы влюбленной ; Страстный пилигрим ; Песни для музыки ; Феникс и голубка. 632 с. С. 119–212.

A true declaration of the estate of the Colonie in Virginia, with a confutation of such scandalous reports as haue ended to the disgrace of so worthy an enterprise. Published by aduise and direction of the Councell of Virginia. London, printed for William Barret, and are to be sold at the blacke Beare in Pauls Church-yard. 1610 (1844) // Tracts and other papers, relating principally to the origin, settlement, and progress of the colonies in North America, from the discovery of the country to the year 1776 : in 4 vols. / coll. by P. Force. Washington : Printed by Wm. Q. Force. Vol. 3. vii, 27, 68, 24, 28, 44, 26, 5, 58, 17 p., [1] l., 50, 62, 45, 37, 30, 19 p. No. 1. P. 1–27.

Barker, F., Hulme, P. (2002) Nymphs and reapers heavily vanish: The discursive con-texts of “The Tempest” // *Alternative Shakespeares* / ed. by J. Drakakis. 2nd edn. L. ; N. Y. : Routledge, Taylor & Francis Group. xii, 269 p. P. 194–208.

Black male fiction and the legacy of Caliban (2001) / ed. by J. W. Coleman. Lexington, KY : The University Press of Kentucky. ix, 193 p.

Brown, P. (1994) 'This thing of darkness I acknowledge mine': "The Tempest" and the discourse of colonialism // *Political Shakespeare: New essays in cultural materialism* / ed. by J. Dollimore, A. Sinfield. 2nd edn. Ithaca, NY ; L. : Cornell University Press. viii, 295 p. P. 48–71.

Carey-Webb, A. (1998) *Making subject(s): Literature and the emergence of national identity*. N. Y. : Garland Publishing. xiv, 242 p.

Carey-Webb, A. (1999) National and colonial education in Shakespeare's "The Tempest" [Электронный ресурс] // *Early Modern Literary Studies*. Vol. 5. No. 1 (May). P. 1–39. URL: <http://purl.oclc.org/emls/05-1/cwebtemp.html> [архивировано в [WaybackMachine](#)] (дата обращения: 13.04.2019).

Erlich, B. (1977) Shakespeare's colonial metaphor: On the social function of theatre in "The Tempest" // *Science and Society*. Vol. 41. No. 1 (Spring). P. 43–65.

Fiedler, L. (1972) *The stranger in Shakespeare*. N. Y. : Stein and Day. 263 p.

Greenblatt, S. (1986) *Psychoanalysis and Renaissance culture* // *Literary theory / Renaissance texts* / ed. by P. Parker, D. Quint. Baltimore, MD : Johns Hopkins University Press. vi, 399 p. P. 210–224.

Greene, R. (1589) *The Spanish masquerade. VVherein vnder a pleasant deuise, is discovered effectuallye, in certaine breefe sentences and mottos, the pride and insolencie of the Spanish estate: with the disgrace conceiued by their losse, and the dismaied confusion of their tronbled thoughtes. Whereunto by the author, for the better vnderstanding of his deuise, is added a breefe glosse. By Robert Greene, in Artibus Magister. L. : By Roger Ward, for Thomas Cadman. 40 p.* URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A02171.0001.001?rgn=main;view=fulltext> [архивировано в [WaybackMachine](#)] (дата обращения: 15.04.2019).

Griffiths, T. R. (1983) 'This Island's mine': Caliban and colonialism // *The Yearbook of English Studies*. Vol. 13: Colonial and imperial themes. Special number / ed. by G. K. Hunter, C. J. Rawson ; assistant editor J. Mezcicms. viii, 366 p. P. 159–180. DOI: [10.2307/3508119](https://doi.org/10.2307/3508119)

Gurr, A. (2014) *New directions: Sources and creativity in "The Tempest"* // *The Tempest : A critical reader* / ed. by A. T. Vaughan, V. M. Vaughan. L. ; New Delhi ; N. Y. ; Sidney : Bloomsbury Publishing. xviii, 278 p. P. 93–114. DOI: [10.5040/9781472593962.ch-004](https://doi.org/10.5040/9781472593962.ch-004)

Hendrick, P. (2004) *Montaigne, Florio and Shakespeare: The mediation of colonial discourse* // *Shakespeare et Montaigne: vers un nouvel humanism : Actes du congrès organisé par la Société Française Shakespeare en collaboration avec la Société internationale des amis de Montaigne les 13, 14 et 15 mars 2003 / textes réunis par P. Kapitaniak ; sous la direction de J.-M. Maguin*. Paris : Université de Paris III — Sorbonne Nouvelle. 294 p. P. 117–133. DOI: [10.4000/shakespeare.164](https://doi.org/10.4000/shakespeare.164)

Hulme, P. (1981) *Hurricanes in the Caribbees: The constitution of the discourse of English colonialism // 1642: Literature and power in the seventeenth century : Proceedings of the Essex conference on the sociology of literature, July 1980 / ed. by F. Barker, P. Hulme, M. Iversen, D. Loxley. Colchester : University of Essex. 336 p. P. 55–83.*

Hulme, P. (1986) *Colonial encounters: Europe and the native Caribbean, 1492–1797. L. ; N. Y. : Methuen. xv, 348 p.*

Jameson, F. (2002) *The political unconscious: Narrative as a socially symbolic act. L. ; N. Y. : Routledge. xiv, 296 p. (Routledge classics).*

Jonson, B. (1756) *Bartholomew Fair // Jonson B. The works of Ben Jonson : in 7 vols. / collated with all the former editions and corrected, with notes critical and explanatory, by P. Whalley. London : D. Midwinter et al. Vol. 3: The Alchemist ; Catiline, His Conspiracy ; Bartholomew Fair. 414 p. P. 274–414.*

Kermode, F. (1954) *Introduction // Shakespeare, W. The Tempest / ed. by F. Kermode. 5th edn. revised and reset. L. : Methuen & Co, Ltd. lxxxviii, 167 p. P. xi–xciii. (The Arden Shakespeare).*

Lee, S. (1929) *The call of the West: America and Elizabethan England // Lee S. Elizabethan and other essays / selected and ed. by F. S. Boas. Oxford : The Clarendon Press. xii, 344 p. P. 263–301.*

Leininger, L. J. (1980) *Cracking the code of “The Tempest” // Shakespeare: Contemporary critical approaches / ed. by H. R. Garvin, special associate ed. M. D. Payne. Lewisburg, PA : Bucknell University Press ; L. ; Toronto : Associated University Presses. 187 p. P. 121–131. (Bucknell Review. Vol. 25. No. 1).*

Levin, H. (1969) *The myth of the Golden Age in the Renaissance. Bloomington, IN : Indiana University Press. xxiv, 231 p.*

Mannoni, O. (1956) *Prospero and Caliban: The psychology of colonization / transl. by P. Powesland ; with a foreword by P. Mason. L. : Methuen & Co, Ltd. 218 p.*

Marx, L. (1964) *Shakespeare’s American fable // Marx L. The machine in the garden: Technology and the pastoral ideal in America. L. ; N. Y. : Oxford University Press. 392 p. P. 34–72.*

Murphy, P. M. (2010) *Interpreting “The Tempest”: A history of its readings // The Tempest : Critical essays / ed. by P. M. Murphy. N. Y. ; L. : Routledge, Taylor & Francis Group. xiv, 586 p. P. 3–74.*

Orgel, S. (1987) *Shakespeare and the cannibals // Cannibals, witches, and divorce: Estranging the Renaissance / ed. by M. Garber. Baltimore, MD ; L. : Johns Hopkins University Press. xii, 216 p. P. 40–66. (Selected papers from the English Institute, new ser., no. 11).*

Royanian, S., Sadeghi, Z. (2014) A colonial reading of Shakespeare “The Tempest” [Электронный ресурс] // *Analele Științifice ale Universității Ovidius din Constanța. Seria Filologie. Vol. XXV. No. 1. P. 107–115. URL: <http://litere.univ-ovidius.ro/Anale/documente-z/articole-2014/1-2014%20Royanian-Sadeghi.pdf> [архивировано в [WaybackMachine](http://www.waybackmachine.org/)] (дата обращения: 11.04.2019).*

Shakespeare, W. (2001) *The Tempest* / ed. by V. M. Vaughan, A. T. Vaughan. Reprinted. L. : The Arden Shakespeare. xx, 366 p. (The Arden Shakespeare, 3rd series).

Skura, A. M. (1989) Discourse and the individual: The case of colonialism in “The Tempest” // *Shakespeare Quarterly. Vol. 40. No. 1 (Spring). P. 42–69. DOI: [10.2307/2870753](https://doi.org/10.2307/2870753)*

Smith, J. (1704) *The true travels, adventures, and observations, of Captain John Smith, into Europe, Asia, Africa, and America, from ann. Dom. 1593 to 1629 / comp. by A. Churchill, J. Churchill. L. : Printed for Awnsham and John Churchil. [2], 373–412 p.*

Strachey, W. (1625) *A true reportory of the wracke, and redemption of Sir Thomas Gates Knight; vpon, and from the Ilands of the Bermudas: his comming to Virginia, and the estate of that Colonie then, and after, vnder the gouernment of the Lord La Warre, Iuly 15. 1610 // Purchas S. Purchas his pilgrimes : in five bookes. L. : Printed by William Stansby for Henrie Fetherstone. Pt. 4. [8], 1141–1973, [41] p. (first leaf blank), [2] plates. P. 1734–1758.*

Voigts, E. A (2014) Theatre of attraction: Colonialism, gender, and “The Tempest”’s performance history // *The Tempest : A critical reader / ed. by A. T. Vaughan, V. M. Vaughan. L. ; New Delhi ; N. Y. ; Sidney : Bloomsbury Publishing. xviii, 278 p. P. 39–60. DOI: [10.5040/9781472593962.ch-002](https://doi.org/10.5040/9781472593962.ch-002)*

Wilkes, G. A. (1995) “The Tempest” and the discourse of colonialism // *Sydney Studies in English. Vol. 21. P. 42–55. URL: <https://openjournals.library.sydney.edu.au/index.php/SSE/article/view/504> (дата обращения: 15.04.2019).*

Wilson Knight, G. (1980) *Caliban as a red man // Shakespeare’s styles : essays in honour of Kenneth Muir / ed. by P. Edwards, I.-S. Ewbank, G. K. Hunter. Cambridge ; N. Y. : Cambridge University Press. viii, 247 p. P. 205–220.*

Zolfagharkhani, M., Heshmatifar, Z. (2012) Pedagogical and colonial power discourses in William Shakespeare’s “The Tempest” // *Cross-cultural Communication. Vol. 8. No. 2. P. 7–14. DOI: [10.3968/j.ccc.1923670020120802.1345](https://doi.org/10.3968/j.ccc.1923670020120802.1345)*

Дата поступления: 15.10.2019 г.

REFERENCES

Benavente (Motolinía), T. de (2000) *Istoriia indeitsev Novoi Ispanii* (fragment) [*Historia de los Indios de la Nueva España / History of the Indians of New Spain (A fragment)*] / transl. by E. M. Lysenko. In: *Khroniki otkrytiia Ameriki. Novaia Ispaniia [Chronicles of America's discovery. New Spain]*. Bk. 1 [Editorial board: S. A. Shmidt (editor-in-chief) et al.]. Moscow : Akademicheskii proekt Publ. 493 p. Pp. 371–410. (Biblioteka Latinskoï Ameriki / Library of Latin America). [online] Available at: <http://www.vostlit.info/Texts/rus8/Motolinia/frametxt.htm> [archived in [WaybackMachine](#)] (accessed 11.04.2019). (In Russ.).

Díaz del Castillo, B. (2000) *Pravdivaia istoriia zavoevaniia Novoi Ispanii* [*Historia verdadera de la conquista de la Nueva España / The true history of the conquest of New Spain*] / [comp., transl. from Spanish, comm. and layout by A. Zakharian]. Moscow : Forum Publ. 399 p. (In Russ.).

Donne, J. (2003) Propoved' 4 [Sermon 4] / transl. by A. V. Kurt. *Lib.Ru: Biblioteka Maksima Moshkova*, August 15. [online] Available at: http://lib.ru/INOOLD/DONN/donn_prop.txt [archived in [WaybackMachine](#)] (accessed 20.04.2018). (In Russ.).

Kovalev, V. A. (2012) Zlo iz-za moria: obrazy ispantsev v pamfletnoi voine 1623–1624 gg. [Evil from the overseas: Images of the Spaniards in the pamphlet war of 1623–1624]. In: *Strategii vizualizatsii i verbalizatsii sotsiokul'turnykh praktik [Strategies of visualization and verbalization of sociocultural practices]* : A collection of academic papers / ed. by I. I. Lisovich and V. S. Makarov. Kazan : Information and Publishing Centre “Kul'tura”. 235 p. Pp. 85–110. (In Russ.).

Las Casas, B. de (1968) *Istoriia Indii* [*Historia de las Indias / The history of Indies*] / transl. from Spanish. Prepared by V. L. Afanasiev, Z. I. Plavskin, D. P. Pritsker and G. V. Stepanov. Leningrad : Nauka Publ. 471 p. (Literaturnye pamiatniki / AN SSSR [Literary monuments / AS USSR]). [online] Available at: http://www.vostlit.info/Texts/rus13/Las_Kasas/text22.phtml?id=800 [archived in [WaybackMachine](#)] (accessed 11.04.2019). (In Russ.).

Marlowe, C. (2019) *Tragicheskaia istoriia doktora Fausta* (Tekst B) [The tragical history of Doctor Faustus (Text B)] / transl. from N. N. Amosova, V. S. Sergeeva and V. S. Makarov. In: Marlowe, C. *Tragicheskaia istoriia doktora Fausta* [*The tragical history of the life and death of Doctor Faustus*] / prepared by A. N. Gorbunov, V. S. Makarov, D. N. Zhatkin and A. A. Riabova ; ed. by N. E. Mikeladze ; editor of the publisher T. L. Lomakina. St. Petersburg : Nauka Publ. 321, [1] p., [13] l. ill. Pp. 71–160. (Literaturnye pamiatniki / Literary monuments). (In Russ.).

Montaigne, M. (1954) O kannibalakh [Of cannibals] / transl. by A. S. Bobovich. In: Montaigne, M. *Opyty. Kniga pervaiia* [*Les Essais. Livre I / The Essays*].

Book 1] / Opening chapters by F. A. Kogan-Bernshtein, M. P. Baskin ; comm. by A. S. Bobovich, F. A. Kogan-Bernshtein. Moscow ; Leningrad : Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 558 p. Pp. 261–277. (Literaturnye pamiatniki / Akad. nauk SSSR [Literary monuments / The Academy of Sciences of the USSR]). (In Russ.).

Raleigh, W. (1963) *Otkrytie obshirnoi, bogatoi i prekrasnoi Gvianskoi imperii s pribavleniem rasskaza o velikom i zolotom gorode Manoa (kotoryi ispantsy nazyvaiut El' Dorado) i o provintsiiakh Emeriia, Arromaia, Amapaia i drugikh stran s ikh rekami, sovershennoe v godu 1595 serom U. Reli, kapitanom strazhi ee velichestva, lordom-upravitelem oloviannykh rudnikov i ee velichestva namestnikom grafstva Kornuell* [The discoverie of the large, rich, and bevvtiful empire of Guiana with a relation of the great and golden citie of Manoa (which the spanyards call El Dorado) and the prouinces of Emeria, Arromaia, Amapaia, and other countries, with their riuers, adioyning. Performed in the yeare 1595. by Sir W. Raleigh Knight, captaine of her Maiesties Guard, Lo. Warden of the Sannerries, and her Highnesse Lieutenant generall of the countie of Cornewall] / [transl. from English, opening chapter, p. 5–29 and comm. by A. D. Dridzo] ; ed. by E. E. Shvede. Moscow : Geografiz Publ. 175 p. (In Russ.).

Freud, S. (1995) Skorb' i melankholiia [Trauer und Melancholie / Mourning and melancholia] / transl. by R. F. Dodeltsev and A. M. Kessel. In: Freud, S. *Khudozhniki i fantazirovanie* [Der Dichter und das Phantasieren / Creative writers and day-dreaming] : transl. from German [ed., comp., opening chapter by R. F. Dodeltsev and K. M. Dolgov]. Moscow : Respublika Publ. 400 p. Pp. 252–259. (Proshloe i nastoiashchee / Past and present). [online] Available at: <http://freudproject.ru/?p=796> [archived in [WaybackMachine](#)] (accessed 20.04.2019). (In Russ.).

Shakespeare, W. (1960) Buria [The Tempest] / transl. by M. A. Donskoi. In: Shakespeare, W. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works] : in 8 vols. / ed. by A. A. Smirnov and A. A. Anikst. Moscow: Iskusstvo Publ. Vol. 8: *Zimniaia skazka ; Buria ; Genrikh VIII ; Venera i Adonis ; Lukretsiia; Sonety ; Zhaloby vliublennoi ; Strastnyi piligrim ; Pesni dlia muzyki ; Feniks i golubka* [The Winter's Tale ; The Tempest ; Henry VIII ; Venus and Adonis ; The Rape of Lucrece ; Sonnets ; A Lover's Complaint ; The Passionate Pilgrim ; Songs for Music ; The Phoenix and the Turtle]. 632 p. Pp. 119–212. (In Russ.).

A true declaration of the estate of the Colonie in Virginia, with a confutation of such scandalous reports as haue ended to the disgrace of so worthy an enterprise. Published by aduise and direction of the Councill of Virginia. London, printed for William Barret, and are to be sold at the blacke Beare in Pauls Church-yard. 1610. (1844) In: *Tracts and other papers, relating principally to the origin, settle-*

ment, and progress of the colonies in North America, from the discovery of the country to the year 1776 : in 4 vols. / coll. by P. Force. Washington : Printed by Wm. Q. Force. Vol. 3. vii, 27, 68, 24, 28, 44, 26, 5, 58, 17 p., [1] l., 50, 62, 45, 37, 30, 19 p. No. 1. Pp. 1–27.

Barker, F. and Hulme, P. (2002) Nymphs and reapers heavily vanish: The discursive con-texts of “The Tempest”. In: *Alternative Shakespeares* / ed. by J. Drakakis. 2nd edn. London ; New York : Routledge, Taylor & Francis Group. xii, 269 p. Pp. 194–208.

Black male fiction and the legacy of Caliban (2001) / ed. by J. W. Coleman. Lexington, KY : The University Press of Kentucky. ix, 193 p.

Brown, P. (1994) ‘This thing of darkness I acknowledge mine’: “The Tempest” and the discourse of colonialism. In: *Political Shakespeare: New essays in cultural materialism* / ed. by J. Dollimore, A. Sinfield. 2nd edn. Ithaca, NY ; London : Cornell University Press. viii, 295 p. Pp. 48–71.

Carey-Webb, A. (1998) *Making subject(s): Literature and the emergence of national identity*. New York : Garland Publishing. xiv, 242 p.

Carey-Webb, A. (1999) National and colonial education in Shakespeare’s “The Tempest”. *Early Modern Literary Studies*, vol. 5, no. 1 (May), pp. 1–39. [online] Available at: <http://purl.oclc.org/emls/05-1/cwebtemp.html> [archived in [WaybackMachine](#)] (accessed 13.04.2019).

Erlich, B. (1977) Shakespeare’s colonial metaphor: On the social function of theatre in “The Tempest”. *Science and Society*, vol. 41, no. 1 (Spring), pp. 43–65.

Fiedler, L. (1972) *The stranger in Shakespeare*. New York : Stein and Day. 263 p.

Greenblatt, S. (1986) Psychoanalysis and Renaissance culture. In: *Literary theory / Renaissance texts* / ed. by P. Parker and D. Quint. Baltimore, MD : Johns Hopkins University Press. vi, 399 p. Pp. 210–224.

Greene, R. (1589) *The Spanish masquerade. VVherein vnder a pleasant deuise, is discovered effectually, in certaine breefe sentences and mottos, the pride and insolencie of the Spanish estate: with the disgrace conceiued by their losse, and the dismaied confusion of their tronbled thoughtes. Whereunto by the author, for the better vnderstanding of his deuise, is added a breefe glosse. By Robert Greene, in Artibus Magister*. London : By Roger Ward, for Thomas Cadman. 40 p. [online] Available at: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A02171.0001.001?rgn=main;view=fulltext> [archived in [WaybackMachine](#)] (accessed 15.04.2019).

Griffiths, T. R. (1983) ‘This Island’s mine’: Caliban and colonialism. In: *The Yearbook of English Studies*, vol. 13: Colonial and imperial themes. Special number / ed. by G. K. Hunter and C. J. Rawson ; assistant editor J. Mezciems. viii, 366 p. Pp. 159–180. DOI: [10.2307/3508119](https://doi.org/10.2307/3508119)

Gurr, A. (2014) New directions: Sources and creativity in “The Tempest”. In: *The Tempest : A critical reader* / ed. by A. T. Vaughan and V. M. Vaughan. London ; New Delhi ; New York ; Sidney : Bloomsbury Publishing. xviii, 278 p. Pp. 93–114. DOI: [10.5040/9781472593962.ch-004](https://doi.org/10.5040/9781472593962.ch-004)

Hendrick, P. (2004) Montaigne, Florio and Shakespeare: The mediation of colonial discourse. In: *Shakespeare et Montaigne: vers un nouvel humanism : Actes du congrès organisé par la Société Française Shakespeare en collaboration avec la Société internationale des amis de Montaigne les 13, 14 et 15 mars 2003 / textes réunis par P. Kapitaniak ; sous la direction de J.-M. Maguin*. Paris : Université de Paris III — Sorbonne Nouvelle. 294 p. Pp. 117–133. DOI: [10.4000/shakespeare.164](https://doi.org/10.4000/shakespeare.164)

Hulme, P. (1981) Hurricanes in the Caribbees: The constitution of the discourse of English colonialism. In: *1642: Literature and power in the seventeenth century : Proceedings of the Essex conference on the sociology of literature, July 1980* / ed. by F. Barker, P. Hulme, M. Iversen and D. Loxley. Colchester : University of Essex. 336 p. Pp. 55–83.

Hulme, P. (1986) *Colonial encounters: Europe and the native Caribbean, 1492–1797*. London ; New York : Methuen. xv, 348 p.

Jameson, F. (2002) *The political unconscious: Narrative as a socially symbolic act*. London ; New York : Routledge. xiv, 296 p. (Routledge classics).

Jonson, B. (1756) Bartholomew Fair. In: Jonson, B. *The works of Ben Jonson : in 7 vols. / collated with all the former editions and corrected, with notes critical and explanatory, by P. Whalley*. London : D. Midwinter et al. Vol. 3: *The Alchemist ; Catiline, His Conspiracy ; Bartholomew Fair*. 414 p. Pp. 274–414.

Kermode, F. (1954) Introduction. In: Shakespeare, W. *The Tempest* / ed. by F. Kermode. 5th edn. revised and reset. London : Methuen & Co, Ltd. lxxxviii, 167 p. Pp. xi–xciii. (The Arden Shakespeare).

Lee, S. (1929) The call of the West: America and Elizabethan England. In: Lee, S. *Elizabethan and other essays* / selected and ed. by F. S. Boas. Oxford : The Clarendon Press. xii, 344 p. Pp. 263–301.

Leininger, L. J. (1980) Cracking the code of “The Tempest”. In: *Shakespeare: Contemporary critical approaches* / ed. by H. R. Garvin, special associate ed. M. D. Payne. Lewisburg, PA : Bucknell University Press ; London ; Toronto : Associated University Presses. 187 p. Pp. 121–131. (Bucknell Review, vol. 25, no. 1).

Levin, H. (1969) *The myth of the Golden Age in the Renaissance*. Bloomington, IN : Indiana University Press. xxiv, 231 p.

Mannoni, O. (1956) *Prospero and Caliban: The psychology of colonization* / transl. by P. Powesland ; with a foreword by P. Mason. London : Methuen & Co, Ltd. 218 p.

Marx, L. (1964) Shakespeare's American fable. In: Marx, L. *The machine in the garden: Technology and the pastoral ideal in America*. London ; New York : Oxford University Press. 392 p. Pp. 34–72.

Murphy, P. M. (2010) Interpreting “The Tempest”: A history of its readings. In: *The Tempest : Critical essays* / ed. by P. M. Murphy. New York ; London : Routledge, Taylor & Francis Group. xiv, 586 p. Pp. 3–74.

Orgel, S. (1987) Shakespeare and the cannibals. In: *Cannibals, witches, and divorce: Estranging the Renaissance* / ed. by M. Garber. Baltimore, MD ; London : Johns Hopkins University Press. xii, 216 p. Pp. 40–66. (Selected papers from the English Institute, new ser., no. 11).

Royanian, S. and Sadeghi, Z. (2014) A colonial reading of Shakespeare “The Tempest”. *Analele Științifice ale Universității Ovidius din Constanța. Seria Filologie*, vol. XXV, no. 1, pp. 107–115. [online] Available at: <http://litere.univ-ovidius.ro/Anale/documente-z/articole-2014/1-2014%20Royanian-Sadeghi.pdf> [archived in [WaybackMachine](#)] (accessed 11.04.2019).

Shakespeare, W. (2001) *The Tempest* / ed. by V. M. Vaughan and A. T. Vaughan. Reprinted. London : The Arden Shakespeare. xx, 366 p. (The Arden Shakespeare, 3rd series).

Skura, A. M. (1989) Discourse and the individual: The case of colonialism in “The Tempest”. *Shakespeare Quarterly*, vol. 40, no. 1 (Spring), pp. 42–69. DOI: [10.2307/2870753](https://doi.org/10.2307/2870753)

Smith, J. (1704) *The true travels, adventures, and observations, of Captain John Smith, into Europe, Asia, Africa, and America, from Ann. Dom. 1593 to 1629* / comp. by A. Churchill and J. Churchill. London : Printed for Awnsham and John Churchil. [2], 373–412 p.

Strachey, W. (1625) A true reportory of the wracke, and redemption of Sir Thomas Gates Knight; vpon, and from the Ilands of the Bermudas: his comming to Virginia, and the estate of that Colonie then, and after, vnder the gouernment of the Lord La Warre, Iuly 15. 1610. In: Purchas, S. *Purchas his pilgrimes : in five bookes*. London : Printed by William Stansby for Henrie Fetherstone. Pt. 4. [8], 1141–1973, [41] p. (first leaf blank), [2] plates. Pp. 1734–1758.

Voigts, E. A (2014) Theatre of attraction: Colonialism, gender, and “The Tempest”’s performance history. In: *The Tempest : A critical reader* / ed. by A. T. Vaughan and V. M. Vaughan. London ; New Delhi ; New York ; Sidney : Bloomsbury Publishing. xviii, 278 p. Pp. 39–60. DOI: [10.5040/9781472593962.ch-002](https://doi.org/10.5040/9781472593962.ch-002)

Wilkes, G. A. (1995) "The Tempest" and the discourse of colonialism. *Sydney Studies in English*, vol. 21, pp. 42–55. [online] Available at: <https://openjournals.library.sydney.edu.au/index.php/SSE/article/view/504> (accessed 15.04.2019).

Wilson Knight, G. (1980) *Caliban as a red man*. In: *Shakespeare's styles : essays in honour of Kenneth Muir* / ed. by P. Edwards, I.-S. Ewbank and G. K. Hunter. Cambridge ; New York : Cambridge University Press. viii, 247 p. Pp. 205–220.

Zolfagharkhani, M. and Heshmatifar, Z. (2012) Pedagogical and colonial power discourses in William Shakespeare's "The Tempest". *Cross-cultural Communication*, vol. 8, no. 2, pp. 7–14. DOI: [10.3968/j.ccc.1923670020120802.1345](https://doi.org/10.3968/j.ccc.1923670020120802.1345)

Submission date: 15.10.2019.

Ковалев Виктор Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов. Адрес: 192238, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Фучика, д. 15, каб. 518. Тел.: +7 (812) 327-27-28, +7 (812) 269-57-58. Эл. адрес: onuphriyphd@gmail.com

Kovalev Victor Aleksandrovich, Candidate of History, Assistant Professor, Department of Legal Theory and Law Enforcement, Saint-Petersburg University of the Humanities and Social Sciences. Postal address: Office 518, 15 Fuchika St., 192238 St. Petersburg, Russian Federation. Tel.: +7 (812) 327-27-28, +7 (812) 269-57-58. E-mail: onuphriyphd@gmail.com

Для цитирования:

Ковалев В. А. Черная магия колониализма: колониальный дискурс и образ «другого» в творчестве У. Шекспира в контексте историографии «нового историзма» [Электронный ресурс] // Горизонты гуманитарного знания. 2019. № 6. С. 75–98. URL: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/1138> (дата обращения: дд.мм.гггг). DOI: [10.17805/ggz.2019.6.5](https://doi.org/10.17805/ggz.2019.6.5)